

В. Ф. Зубарев
 В. Ф. Зубарев

Живая вода

Что творит живцовая водица!
 Недр так кедр,
 лоза так уж лоза.
 Из листвы густой таращат
 птицы
 вечно удивленные глаза.
 А начнет взывать к своей
 Пеструшке,
 в мегафон преобразив ладонь,—
 даже у заржавленной старушки
 голос голосистый, как гармонь.
 Братия лесная, луговая,
 избири меня в свои друзья,—
 будет у тебя другое «Я»,
 Будет у меня другое «Я»...
 Что не натворит вода живая!
 Крайности она сшибает лбами,
 примиряет, как по волшебству...
 Вот корова добрыми губами
 убивает кроткую траву.
 Уморенье это потрясает.
 Но в груди ликует мужичок,
 видя, как отава подрастает,
 и топчет пегий новичок.

Углегор

На пригорке стоит церквушка.
 За пригорком—не деревушка.
 Замаечил вдали копер...
 Гой ты, город мой Углегор!
 И возник в черно-белых
 красках

он, кромсающий оком,
 распинающий на контрастах
 представленье мое о нем.
 То мне видится время вспашки,
 то поючий большой верстан...
 Возле звонкой многоэтажки
 осовелый глухой барак.

Меж провалов и терриконов
 неизбывные тополя.
 За тычинками микрорайонов
 колосающиеся поля.

И рекут селу горожане,
 из забоя попав на ток.
 Дескать, к слову сказать,
 о грани,

мы в земле понимаем толк.
 Не разъять, как и крыльев
 птицы,
 слов добыча и урожай...

Пылью угольной и пшеницей
 пахнут волосы у горожан.
 ...Что ни город—свои повадки.
 В многолюдных—такая глушь!
 Там соседям с одной площадки
 дела нет до соседских душ.
 А у нас повсеместно уши,
 и глаза начеку, и нос.
 Исповедуют ваши души,
 не успеете гикнуть: «СОС!»
 В клубе, если не ждут артистов,
 как всегда, старики торчат.
 Чинно слушают атеистов
 и тихонько крестят внучат.
 А в кафе раздаются:

«Горько!»

И по музыке по реке
 в пляске плещется —
 Ты, Подгорна!.. —
 Лебедь-девичка в парике.
 ...Не селяне —
 под стать и норов,
 но деревня его дала.
 И в каком-нибудь из шахтеров
 вякнет властно дитя села.
 Голос дедушкиного счастья...
 И агукнет ему горняк:
 «Разорвусь я теперь на части,
 но отгрохаю особняк.
 Нам понятен и дух бензина,
 и коровьего молока...
 О гараж, где стоит машина,
 будет живность чesать бока.
 И останется в нашем плане
 современной обставить дом...
 Мы к тому же и не крестьяне,
 не в деревне, поди, живем.
 И замолкнет, свое итожа...
 Не подбить ли и мне итог? —
 Не на отрубе рос — и тоже
 понимаю забой и ток.
 Знать, за это плачусь строкой
 деревенской и городской?..
 И вздохнет мой нескладный
 город:
 — Что попишешь, и я такой...

Солнечная сказочка

Там, где под мотивчик весенний
 огородник городил огород,
 разрастается город растений,
 нарождается зеленый народ.
 Пусть не город —
 городок, городишко,
 пусть ни окон в нем, ни дверей,
 на рассвете каждый домишко
 вторит бормотанью корней:
 — Востечет Оно на востоке,
 воплотится в спелый плод
 помидора, огурца и картошки...
 И на западе западет...

Напарник

По штреку —
 не мальчик, не парень —
 я в паре вагончик толкал.
 Был впору недужий напарник,
 его жестокатый оскал.
 Он злился:
 — Задали работку...
 И тут же мы в голос:
 — Давай!
 Кричал я:
 — Сюда бы лебеду!..
 И разом опять: — Нажимай!
 С породой, порожний,
 с породой... —
 за рейсом мучительный рейс...
 Порой — хорошо хоть
 порожний —
 вагончик соскакивал с рельс.
 Уже славим его, ох и славим!..
 И чуть ли не в голос:
 — Давай!..

На путь его истинный ставим.
 И разом опять: — Нажимай!..
 Какая там увлеченность...
 А сила еще не пришла...
 Так вышло: ожесточенность
 напарником первым была.
 Впрягался я в лютое дело —
 Да так, что трещали гужи.
 И чувствовал:
 жестокостью тела
 становится жестокость души.

Все мечтала:
 «В город на денек бы...»
 А когда ей выдался денек,
 Тут же и примааялась:
 «В тенек бы...»

Вот и подвернулся ей тенек.
 Скидывай, товарка, снаряженье
 и полуботиночки сними...
 Отдыхают, тянутся блаженно
 маленькие жесткие ступни.
 Разложив холщовые мешочки,
 подобрев обветренным лицом,
 набивает хлеб за обе щеки,
 хрумкает соленым огурцом.
 Тут как тут:

— Ну, как житуха, бабка? —
 воробьиный выстрелил зрачок.
 Нежно шалопутная собачка
 голову склонила набочок.

И блистая новизною смысла,
 что от жизни он неотделим,
 каждый листик снова

становился
 не декоративным, а живым...
 Ох, родная!.. Хватит!
 снаряжайся...

Уходи на волю деревень.
 Не колдуй так искусненно...
 Сжался...
 И полуботиночки надень.

Безмятежной улыбки
 заученность
 на губах твоих нежно-тугих.
 Но в глазах застоялась
 измученность
 и желание мучить других.

Затаилось за милой
 красотью
 ножевой красоты острие:
 если мало надежды спасти ее,
 пусть спасаются от нее.

...Боль душевная и смятение —
 не впервые такая корысть
 от услужливого умения
 видеть то, что пытаются скрыть.
 Что мне в истине? Проблеск
 истины —

новый повод для смуты ума,
 потому что тревожно,
 таинственно
 вслед за вспышкой
 смыкается тьма.

А ведь знал я период
 блаженственный
 и умел со счастливой слезой
 просто так любоваться
 женщиной,
 как любят небом, землей.
 Что там женщиной —
 вязаной шапочкой,
 мне казавшейся издалека
 озорно перевернутой чашечкой
 восхитительного цветка.

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

Наш земляк Валерий Зубарев принят в члены Союза писателей СССР.

Эту радостную новость сообщила телеграмма из Москвы за подписью секретаря Правления Союза писателей СССР.

Работает Валерий Федорович Зубарев собственным корреспондентом газеты «Кузбасс» по Прокопьевску и Киселевску.

Родился он в 1943 году закончил Прокопьевский горный техникум и Новокузнецкий пединститут. В Зубарев работал заведующим отделом промышленности и строительства редакции газеты «В бой за уголь», был членом городской литературной группы. Издал две книги стихов. Первая — «Говорил со мною ветер», вторая — «Магнитное поле». Был участником VI Всесоюзного совещания молодых писателей в Москве.

Сотрудники редакции газеты «В бой за уголь» от души поздравляют В. Ф. Зубарева с приемом его в члены Союза писателей СССР, желают ему больших творческих успехов.

Сегодня мы предлагаем читателям подборку стихов Валерия Зубарева.